

Баженова Т. Е. Самарские говоры в интерпретации атласов русского языка / Т. Е. Баженова // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 28—37.

УДК 811.161.1'282.2(470.43)

Самарские говоры в интерпретации атласов русского языка

© **Баженова Татьяна Евгеньевна (2015)**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания филологического факультета, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара, Россия), tatyabazhenova@yandex.ru.

Рассматривается вопрос о диалектном членении самарских говоров. Актуальность исследования определяется тем, что при картографировании, результатом которого стало издание «Диалектологического атласа русского языка», территория самарского Поволжья не учитывалась в силу особой пестроты многих говоров, а на первой диалектологической карте русского языка, опубликованной в 1915 году, поволжские говоры отражены некорректно. Указывается, что для выявления ареально-типологической характеристики отдельных диалектных явлений на уровне лексики важно иметь точное представление о границе между оканьем и аканьем. Основу исследования составили карты поволжских атласов по предударному вокализму и лексические карты, составленные автором, которые рассматриваются в сравнении с данными первой диалектологической карты. Выполнен обзор карт по отдельным диалектным явлениям, на которых можно провести границу между полярными диалектными группировками. Особое внимание уделяется фактам широких генетических и интеграционных процессов объединения говоров, восходящих либо к севернорусской, либо к южнорусской основе, в историческом аспекте. Раскрывается общая картина бытования русских народных говоров в Самарском крае и делается заключение о небезосновательности отдельных выводов составителей первой диалектологической карты.

Ключевые слова: диалект; говор; лингвистическая карта; лингвистический ландшафт; диалектная лексика; Поволжье.

1. Вводные замечания

Представление о лингвистическом ландшафте Самарского края складывалось на протяжении многих лет, и первое время оно базировалось на разрозненных, скудных сведениях преимущественно этнографического характера. Территориальная группировка самарских говоров на первой диалектологической карте русского языка, составленной Московской диалектологической комиссией в 1915 г. (далее — карта МДК), показывала, что в пределах бывшей Самарской губернии бытуют севернорусские говоры владимирско-поволжского типа, в сплошной массив которых в районе изгиба р. Волги (Самарской Луки) вклинивается и дальше продолжается на северо-восток достаточно обширный «остров» южнорусских говоров. Далее к югу от этого «острова» по рекам Чагра и Большой Ирғиз располагаются сплошным массивом с про-

должением на юг окающие говоры. Авторы карты сопровождают описание заволжских говоров таким комментарием: «Красной краской отмечено большое пространство в Самарской г., в которую в XVIII и XIX вв. направлялась помещичья колонизация из ю.-в.-р. областей и где говоры Самарского, Бугурусланского и Бузулукского уу. преимущественно (выделено нами. — Т. Б.) ю.-в.-русские» [Дурново и др., 1915, с. 16].

2. В. А. Малаховский об ошибочном представлении самарских говоров на карте МДК и его причинах

Спустя несколько десятилетий, когда в Самаре началось планомерное изучение местных говоров, была установлена недостоверность сведений о диалектном членении на территории Поволжья. Оказалось, что в самарском Поволжье присутствуют все основные типы говоров: окающие (владимирско-поволжские) и разнотипные акающие (среднерусские и южнорусские говоры), причем последние чаще фиксируются за пределами обозначенного на карте «острова», да и существование вблизи Самары «южновеликорусского острова» было поставлено под сомнение, о чем писал в ряде статей профессор В. А. Малаховский в 40—50-х годах XX века. В целом же для самарских говоров характерны неоднородность и пестрота, доходящая до такой степени, что нередко в непосредственной близости, а иногда и в пределах одного населенного пункта, бытуют говоры различной типологии.

Пытаясь проанализировать причины ошибки составителей карты, В. А. Малаховский пришел к выводу о том, что, возможно, неточность карты МДК была вызвана методикой «суммарных, или синоптических карт», применявшейся её авторами, когда во внимание брался целый комплекс произвольно взятых черт, позволяющих отнести картографируемые говоры к тому или иному диалектному типу. Для периферийных территорий со сложным лингвистическим ландшафтом, обследованных плохо или недостаточно, такая методика могла привести к малообоснованным выводам, что понимали сами составители карты, которые сочли нужным заметить: «Необходимо особо подчеркнуть крайнюю скудость сведений для Нижнего Заволжья, вследствие которой диалектические границы на карте здесь менее, чем где-либо, могут претендовать на точность, и даже краски для некоторых мест приходилось выбирать иногда предположительно» [Дурново и др., 1915, с. 17].

Специальное планомерное изучение самарских говоров развернулось в период работы над 10-м томом «Диалектологического атласа русского языка». Именно тогда были получены по-настоящему достоверные сведения о диалектном членении в Поволжье. В целях устранения неточностей в определении диалектного ландшафта нашего региона В. А. Малаховским была предложена идея областного атласа [Малаховский, 1940, с. 3], реализованная лишь в последние десятилетия.

В разработке этой идеи В. А. Малаховский отталкивается от теоретических установок отечественных диалектологов и практического опыта составителей зарубежных и отечественных лингвистических атласов. Он приходит к выводу о том, что этот замысел не может быть осуществлен с помощью методики «суммарных, или синоптических, карт», на которых сведены все или все имеющиеся особенности языка определенной территории. Данный метод применим для картографирования лишь относительно однородных диалектных группировок, но и в этом случае пучки изоглосс позволяют определить основные очертания диалектных ареалов и границ лишь приблизительно. Невозможность практического применения этой методики для наших говоров была доказана В. А. Малаховским на примере обследованного его экспедицией небольшого участка Ново-буянского района (ныне это территория Шигонского и Ставропольского районов Самарской области). Даже в тех случаях, когда объем фактического материала (охват территории) невелик, точную типологическую карту говоров получить невозможно, так как при наложении друг на друга отдельных изоглосс «границы диалектных явлений не совпадут, а окажутся перекрещенными в самом хаотическом виде» [Малаховский, 1940, с. 6]. Однако при картографировании отдельных языковых фактов метод изоглосс использовать можно, чтобы впоследствии, сопоставив данные нескольких изоглоссных карт и выделив основные диалектные соответствия, получить суммарную карту диалектного членения.

3. Самарские говоры на первых картах регионального атласа

На основе данных, полученных диалектологическими экспедициями, В. А. Малаховским в конце 1940-х гг. было установлено, что территория распространения окающих говоров ограничивается северной частью Самарского края и южнее рек Чагра и Большой Ирғиз они практически не встречаются. «Что же касается «южновеликорусского острова», показанного на карте МДК, — писал В. А. Малаховский в одной из своих статей, — то он расположен значительно южнее и его очертания, по-видимому, должны быть совершенно иными» [Малаховский, 1949, с. 222]. Между севернорусскими и южнорусскими говорами, примерно в районе «южновеликорусского острова», широкой полосой располагаются среднерусские окающие говоры, совершенно не отмеченные на карте МДК [Там же, с. 219—223].

В дальнейшем использование «карт изоглосс» позволило ученому сделать существенные поправки к карте МДК [Малаховский, 1955, с. 255—262] и составить уточненную карту диалектного членения Куйбышевской (Самарской) области. В приложении к его обобщающему научному труду «Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия» дана ещё одна значковая карта говоров по материалам до 1956 года [Малаховский, 1957]. Из этих карт следует, что никаких следов «южновеликорусского острова» в северо-восточной и центральной части области не наблюдается.

В представлении о диалектном ландшафте Самарского края впоследствии были внесены дополнительные уточнения в результате лингвогеографических

исследований по отдельным языковым особенностям. Первой из таких была диссертационная работа, посвященная географическому распространению диалектных форм личных местоимений на территории Европейской части СССР, осуществленное Е. С. Скобликовой. Диалектные формы местоимений (*ён; оны (ёны, яны); ю, ею, ону, (ёну, яну); оне; с нам, с вам, с имя* и другие) дали на составленных ею картах четко очерченные ареалы и позволили дополнить основной состав типологических черт говоров русского языка такими особенностями, как формы род. и вин. пад. *мене, тебе, себе / меня, тебя, себя*; дат. и предл. пад. *табе, сабе / тебе, себе*; им. пад. мн. ч. *они / оне* и внести уточнения в диалектное членение говоров, представленное на карте МДК [Скобликова, 1951, с. 4]. Особого внимания заслуживает карта по формам род.-вин. падежа местоимений 1 и 2 лица и возвратного *мене, тебе, себе / меня, тебя, себя*, на которой в районе Куйбышева (Самары) достаточно обширным островом отмечен ареал, образуемый как формами на *-я*, так и формами на *-е* «без четкого территориального разграничения» [Скобликова, 2015, с. 126]. Северная граница этого ареала доходит до реки Сок, следовательно, ареал южнорусских форм *мене, тебе, себе* заходит за границу между оканьем и аканьем, проведенную на карте В. А. Малаховского. Характер и размеры этого ареала заставляют сомневаться в точности карты диалектного членения самарских говоров, составленной В. А. Малаховским.

4. Самарские говоры в интерпретации поволжских атласов

Под влиянием научного авторитета В. А. Малаховского на эту нестыковку фактов долгое время не обращали внимания. Но с выходом в свет «Атласа говоров Среднего и Нижнего Поволжья», подготовленного под руководством Л. И. Баранниковой [Баранникова, 2000, с. 32—33], а также фонетической и морфологической части самарского атласа Т. Ф. Зибровой и М. Н. Барабиной [Зиброва и др., 2009, с. 49—51] возникли сомнения в точности карты, полностью отвергающей наличие самарского «южновеликорусского острова» [Зиброва, 2014, с. 318—319].

Настала очередь картографирования диалектной лексики, а для определения ареально-типологической характеристики отдельных диалектных слов очень важно иметь точное представление о границе между оканьем и аканьем. Карты поволжских атласов позволили внести некоторые уточнения в общую картину диалектного ландшафта самарских говоров.

Оба поволжских атласа показывают значительно более узкую территорию распространения окающих говоров в Среднем Поволжье, по сравнению с данными карты МДК. Оканье здесь ограничивается территорией Ульяновской области, соответственно восточной и западной частями Пензенской и Самарской областей и центральной частью Саратовской области. На территории Самарской области оканье группируется узкой полосой по северу, западу и северо-востоку области, встречается в селах вокруг Самары и образует небольшие островки, не заходящие далее на юг за линию, образуемую реками Чагра и Самара. Следовательно, массив севернорусских говоров, находящийся на карте МДК южнее

линии Чагра — Большой Иргиз, был отмечен ошибочно, на основе каких-либо случайных сведений с этих малозаселенных в конце XIX века мест. А вот в северной части территории граница между оканьем и аканьем проходит немного севернее, чем это показано на картах В. А. Малаховского, и местами почти соответствует очертаниям «южновеликорусского острова». В районе Самары она поднимается к северу по реке Кондурча, далее обходит в восточном направлении достаточно обширное пространство, образуемое реками Кондурча, Сок и Большой Кинель, не доходя до восточной административной границы, спускается к югу и в районе реки Малый Кинель уходит дальше на восток на территорию Оренбургской области. Таким образом, в границах бывшего Бугурусланского уезда Самарской губернии, входившего в «южновеликорусский остров», бытуют теперь говоры преимущественно окающие (современные Камышлинский, Похвистневский, Исаклинский районы), но и акающие говоры здесь тоже встречаются (Исаклинский и Сергиевский районы). Следует добавить, что, по данным карты № 1 «Атласа говоров Самарского края», на северо-востоке области, на границе с Татарстаном, отмечается полоса акающих говоров (Шенталинский и Клявлинский районы, входившие ранее в бывший Бугульминский уезд Самарской губернии). «Чересполосный» и островной характер окающих ареалов на севере области заставляет думать о том, что вывод о существовании в прошлом «южновеликорусского острова» в границах Самарского, Бугурусланского и особенно Бузулукского уездов бывшей Самарской губернии мог быть сделан авторами карты МДК на основании данных о вокализме говоров.

Это находит подтверждение в территориальном распределении типов предупредительного вокализма после мягких согласных в самарских говорах. На карте можно видеть три плотных ареала якающих говоров севернее условной границы между оканьем и аканьем по рекам Чагра и Самара: первый — в районе Самарской Луки и примыкающего к ней на юге левобережья Волги (говоры с умеренным яканьем и отчасти с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем); второй — в междуречье рек Кондурча, Сок и Большой Кинель и на северо-востоке на границе с Татарстаном (говоры с яканьем преимущественно умеренного типа, реже — с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем); третий — вдоль восточной административной границы в междуречье Большой Кинель — Самара (говоры с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем).

В центральных западных районах, на территории Самарской Луки и прилегающего к ней левобережья Волги (Ставропольский, Безенчукский, Шигонский районы), преобладают говоры с умеренным яканьем, которое имеет очевидные признаки типологического сходства с владимирско-поволжскими говорами. Их образование территориально и исторически связано с существованием на северо-западе и на западном правобережье Самарской области компактного массива окающих говоров. К наиболее ранним и максимально приближенным к владимирско-поволжской основе относятся среднерусские акающие говоры Самарской Луки (сёла Сосновый Солонец Ставропольского района, Переволо-

ки Сызранского района, Выползово Волжского района), а также прилегающей к ней территории между Усой и Волгой (сёла Усинское Шигонского района, Жемковка и Печерское Сызранского района). В районе центрального левобережья реки Волги расположены акающие говоры сёл Верхне-Печерское, Золотовка, Лебяжье, Калиновка, Екатериновка, Васильевка, Переволоки, Николаевка Безенчукского района. Всем этим говорам свойственно умеренное яканье с сохранением различия предупредительных гласных, в частности, с проявлениями лексической закреплённости особого произношения этимологического *ять*, то есть максимально соответствующее определению «акающего слепка» с севернорусского ёканья [Сидоров, 1966, с. 98—158]. Признаки севернорусской (владимирско-поволжской) основы фиксируются здесь и на других языковых уровнях.

Очевидно, в распоряжении составителей карты МДК были сведения, отражающие эту особенность говоров Самарской Луки, что и заставило их сделать вывод о бытовании владимирско-поволжского типа на данной территории.

В центральных восточных и северо-восточных районах области в акающих говорах по рекам Кондурча, Сок и Большой Кинель нами отмечены случаи последовательного сохранения различия **e* и **a* при умеренном яканье (*б'ару*, *пр'амују* — *в'ел'у*, *п'б'ел'у*, *пр'ад'и*, *гл'ад'и* и т. п. — «первичное яканье», по определению В.Н.Сидорова). Это сёла Хорошенькое и Тремасово Красноярского района; Верхняя Орлянка, Нижняя Орлянка, Чекалино Сергиевского района; Новый Кувак Шенталинского района и др.

Но не только владимирско-поволжские говоры фигурируют в числе носителей материнской основы акающих говоров в пределах предполагаемого «южновеликорусского острова». Акающие говоры с южнорусскими типами яканья (преимущественно с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем) зафиксированы и в левобережном ареале (сёла Кануевка, Владимировка, Преполовенка Безенчукского района), и на реке Сок (Успенка, Сидоровка и Большая Лозовка Сергиевского района), но чаще всего они встречаются на востоке области, на территории бывшего Бузулукского уезда Самарской губернии (Утёвка Нефтегорского района; Богдановка, Покровка, Долматовка Борского района). На других языковых уровнях данных говоров также сохраняется очевидная связь с южнорусскими материнскими говорами.

Еще одно обоснование предполагаемого «южновеликорусского острова» находим на карте № 8 «Атласа говоров Самарского края», посвященной фонеме Г. На ней, вопреки данным соответствующей изоглоссной карты В. А. Малаховского и гораздо более отчетливо, чем на карте № 9 поволжского атласа, видна группа говоров с фрикативным Г в районе рек Кондурча, Сок и Большой Кинель.

На картах «Лексического атласа самарских говоров» ареалы лексем *корец*, *дежа*, *рогач*, *чапельник* / *цапельник*, *рубель*, *ведмедь*, *буряк*, *котная*, *гребовать*, *гутарить*, *играть* ('петь песни') находятся не только на юге области, где бытует основная часть южнорусских говоров, но и располагаются в виде островков и точечных ареалов на севере, северо-востоке. Неровные очертания и «мер-

цающий» характер этих небольших ареалов в этой части территории говорят, во-первых, об их позднем образовании и, во-вторых, о южнорусской основе акающе-якающих говоров междуречья Кондурча — Сок — Большой Кинель.

Очевидно, это и было принято во внимание составителями первой диалектологической карты. Не лишены основания предположения об исторических причинах появления «южновеликорусского острова» в районе Самары.

5. Историческое обоснование возможности существования «южновеликорусского острова»

Значительная часть говоров центральных и северо-восточных районов Самарской области сформировалась в более ранний период освоения нашей территории в XVII—XVIII вв. Основным фактором формирования русских говоров в правобережье Волги было переселение помещичьих и монастырских крестьян из ближайших районов Поволжья, которые переводились на новые земли целыми деревнями и сёлами. Например, в первой четверти XVIII века в район Самарской Луки были одновременно переселены крупные группы крестьян из Алатырского и Симбирского уездов Нижегородской губернии, принадлежавшие Троице-Сергиеву монастырю и А. Д. Меншикову [Дубман, 1997, с. 107], массовые переселения сюда целых деревень происходили в период помещичьего землевладения графов Орловых в XIX веке [Смирнов, 2012, с. 104, 107].

Образованию русских говоров в Самарском Заволжье способствовала военно-правительственная колонизация — строительство оборонительных линий и крепостей. Под прикрытием крепостей происходило «сползание» русского населения с близлежащих районов правобережья Волги на освобожденные от кочевников земли. Заинтересованное в усиленном росте дворянского землевладения, царское правительство раздавало помещикам в районе бывших оборонительных линий свободные земли и села, существовавшие здесь ранее. Так, большое количество помещичьих селений возникло в XVIII в. по реке Сок, на землях бывшей Ново-Закамской линии. По числу проживающих в селах помещичьих крестьян лидировали Бузулукский, Самарский и Ставропольский уезды. Районы выхода вольных переселенцев в Заволжье в различные периоды менялись: на раннем этапе (XVIII в.) преобладали выходцы со Средней Волги и бывшей Симбирской черты — из Казанской, Нижегородской, Симбирской и Пензенской губерний, а в XIX в. большое количество мигрантов дали Центр и Черноземный юг России — Рязанская, Тульская, Курская, Тамбовская, Воронежская губернии [Ведерникова, 2009, с. 17].

Процесс освоения восточных, юго-восточных и южных степных районов Самарской губернии происходил позднее, в XVIII—XIX вв. и имел иной характер. Земледельческие русские селения в XIX в. здесь были редки, и образование говоров происходило в результате вольно-крестьянской миграции. Основным отличительным признаком вольного переселения крестьян была неоднородность языкового состава переселенческих групп. В языковом от-

ношении среди основателей русских сел наблюдается значительная пестрота, однако основное количество мигрантов в Заволжье прибыло из черноземного центра России, прежде всего из Тамбовской губернии. Много переселенцев пришло из Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Рязанской и Саратовской губерний [Сборник статистических сведений, 1885, с. 12].

Увеличение русского населения за счет переселенцев из южных губерний Центральной России происходило и в северных районах самарского Заволжья в первой половине XIX в. Так, с 1847 по 1850 гг. в бывшем Самарском уезде правительством было поселено между реками Сок и Кондурча 120 семей малоимущих дворян, которые были выходцами преимущественно из Смоленской губернии [Ведерникова, 2009, с. 21]. На реке Кондурча в середине XIX в. путем переселения крестьян на калмыцкие земли из Рязанской, Тульской и особенно Курской губерний возникли русские селения с южно-русскими говорами — Четыровка и Вязовка Кошкинского района, Сидоровка Сергиевского района и др.

6. Выводы

Остается только заметить, что размеры «южновеликорусского острова» на карте МДК были, очевидно, преувеличены, но нельзя не учитывать и того, что за сто с лишним лет время не могло не наложить свою неумолимую печать на эту часть карты.

Так или иначе, первая диалектологическая карта русского языка, составленная МДК, стала той отправной точкой, с которой начинается история лингвогеографических исследований в Поволжье, ознаменовавшаяся, во-первых, выходом в свет нескольких региональных атласов, дающих представление о лингвистическом ландшафте Среднего и Нижнего Поволжья в существенно уточненном виде, а во-вторых, достижениями в разработке методики лингвогеографического изучения вторичных переселенческих говоров.

Литература

1. Баранникова Л. И. Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья / Л. И. Баранникова. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000. — 104 с.
2. Ведерникова Т. И. Формирование русского населения Самарского края в XVII—XIX вв. / Т. И. Ведерникова // Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки. — Самара : Книга, 2009. — Т. III. — С. 6—23.
3. Дубман Э. Л. Миграционные процессы и складывание населения южного Средневожья в конце XVII — начале XVIII вв. / Э. Л. Дубман // Лингвистическое, историческое и литературное краеведение (памяти А. Н. и Б. Н. Гвоздевых посвящается) : тезисы докладов / под ред. проф. В. Д. Бондалетова. — Пенза : [б. и.], 1997. — С. 106—107.
5. Дурново Н. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии / Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков // Труды Московской диалектологической комиссии. — Вып. 5. — Москва : Синодальная типография, 1915. — 132 с.

6. *Зиброва Т. Ф.* Атлас говоров Самарского края / Т. Ф. Зиброва, М. Н. Барабина. — Самара : Изд-во «Самарский университет», 2009. — 116 с.

7. *Зиброва Т. Ф.* Лингвогеографические и экстралингвистические факторы в формировании позднепереселенческих говоров / Т. Ф. Зиброва // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 317—325.

8. *Малаховский В. А.* Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия : вводная статья, тексты, указатели, словарь / В. А. Малаховский // Учёные записки Куйбышевского гос. пед. ин-та. — 1957. — Вып. 17. — С. 29—168.

9. *Малаховский В. А.* Несколько поправок к диалектологической карте русского языка. (К вопросу о границах поволжского южновеликорусского «острова») / В. А. Малаховский // Учёные записки Куйбышевского гос. пед. ин-та. — 1955. — Вып. 13. — С. 255—262.

10. *Малаховский В. А.* Новые данные о говорах Куйбышевской области / В. А. Малаховский // Материалы и исследования по русской диалектологии. — Москва : Академия наук СССР, 1949. — Т. II. — С. 217—241.

11. *Малаховский В. А.* О диалектологическом атласе Куйбышевской области / В. А. Малаховский. — Куйбышев : ОГИЗ, 1940. — 20 с.

12. *Сборник статистических сведений по Самарской губернии.* — Самара : [б. и.], 1885. — Т. 3 : Бузулукский уезд. — С. 1—14.

13. *Сидоров В. Н.* Из истории звуков русского языка / В. Н. Сидоров. — Москва : Наука, 1966. — 158 с.

14. *Скобликова Е. С.* Диалектные особенности в падежных формах личных местоимений : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Е. С. Скобликова. — Саратов, 1951. — 15 с.

15. *Скобликова Е. С.* Роль лингвистов Куйбышева / Самары в работе по созданию Диалектологического атласа русского языка Академии наук и регионального атласа самарских говоров / Е. С. Скобликова // Самарский научный вестник. — 2015. — № 1(10). — С. 123—127.

16. *Смирнов Ю. Н.* Крупная крепостная вотчина и освоение земель среднего Поволжья в последней трети XVIII — первой половине XIX века (по материалам владений Орловых и Орловых-Давыдовых в районе Самарской Луки) / Ю. Н. Смирнов // Вестник Самарского государственного университета. — 2012. — № 8.2 (99). — С. 101—109.

Samara Dialects in Atlases of the Russian Language Interpretation

© **Bazhenova Tatyana Evgenyevna (2015)**, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Culture of Speech and Training Methodology, Philological Faculty, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities (Samara, Russia), tatyabazhenova@yandex.ru.

The problem of segmentation of Samara dialects is considered. The relevance of the study is determined by the fact that for mapping, which resulted in the publication of "Dialectological Atlas of the Russian Language", the territory of the Samara Volga region was not considered because of its special diversity of many dialects, and the dialectological map of the Russian language, published in 1915, does not reflect the Volga dialects correctly. It is indicated that to identify areal and typological characteristics of certain dialectal phenomena at the level of vocabulary it is important to have an accurate idea of the border between the retention of unstressed "o" and pronunciation of unstressed "o" as "a". The basis of the research was Povolzhye atlases on pretonic vocalism, and the lexical maps, constructed by the author, which are discussed in comparison with data of the first dialectological maps. The review of the maps for certain dialectal phenomena, which can distinguish between polar dialectal groups, is

made. Special attention is paid to the facts of wide genetic and integrative processes of unification of dialects, traced back to North Russian or South Russian basis in historical aspect. The general picture of the existence of Russian dialects in the Samara region is given and it is concluded that certain conclusions of the compilers of the first dialectological map were not groundless.

Key words: dialect; linguistic map; linguistic landscape; dialect lexis; Povolzhye.

References

- Barannikova, L. I. 2000. *Atlas govorov Srednego i Nizhnego Povolzhya*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta. 104. (In Russ.).
- Dubman, E. L. 1997. Migratsionnyye protsessy i skladyvaniye naseleniya yuzhnogo Srednevolzhya v kontse XVII — nachale XVIII vv. In: Bondaletov, V. D. (ed.). *Lingvisticheskoye, istoricheskoye i literaturnoye kraevedeniye (pamyati A. N. i B. N. Gvozdevykh posvyashchaetsya): tezisy dokladov*. Penza: [b. i.]. 106—107. (In Russ.).
- Durnovo, N. N., Sokolov, N. N., Ushakov, D. N., 1915. Opyt dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniyem ocherka russkoy dialektologii. In: *Trudy Moskovskoy dialektologicheskoy komissii*, 5. Moskva: Sinodalnaya tipografiya. 132. (In Russ.).
- Malakhovskiy, V. A. 1957. Kuybyshevskaya oblastnaya dialektologicheskaya khrestomatiya: vvodnaya statya, teksty, ukazateli, slovar' . *Uchenyye zapiski Kuybyshevskogo gos. ped. in-ta*, 17: 29—168. (In Russ.).
- Malakhovskiy, V. A. 1955. Neskolko popravok k dialektologicheskoy karte russkogo yazyka. (K voprosu o granitsakh povolzhskogo yuzhnovelikorusskogo «ostrova»). *Uchenyye zapiski Kuybyshevskogo gos. ped. in-ta*, 13: 255—262. (In Russ.).
- Malakhovskiy, V. A. 1949. Novyye dannyye o govorakh Kuybyshevskoy oblasti. In: *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii*. Moskva: Akademiya nauk SSSR, II: 217—241. (In Russ.).
- Malakhovskiy, V. A. 1940. *O dialektologicheskoy atlase Kuybyshevskoy oblasti*. Kuybyshev: OGIZ. 20. (In Russ.).
- Sbornik statisticheskikh svedeniy po Samarskoy gubernii*. 1885. Samara: [b. i.], 3: *Buzulukskiy uezd*: 1—14. (In Russ.).
- Sidorov, V. N. 1966. *Iz istorii zvukov russkogo yazyka*. Moskva: Nauka. 158. (In Russ.).
- Skoblikova, E. S. 1951. *Dialektnyye osobennosti v padezhnykh formakh lichnykh mestoimeniy*: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Saratov. 15. (In Russ.).
- Skoblikova, E. S. 2015. Rol' lingvistov Kuybysheva / Samary v rabote po sozdaniyu Dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka Akademii nauk i regionalnogo atlasa samarskikh govorov. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, 1(10): 123—127. (In Russ.).
- Smirnov, Yu. N. 2012. Krupnaya krepostnaya votchina i osvoyeniye zemel srednego Povolzhya v posledney treti XVIII — pervoy polovine XIX veka (po materialam vladeniy Orlovkyh i Orlovkyh-Davydovykh v rayone Samarskoy Luki). *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8.2 (99): 101—109. (In Russ.).
- Vedernikova, T. I. 2009. Formirovaniye russkogo naseleniya Samarskogo kraya v XVII—XIX vv. In: *Dukhovnoye naslediyе narodov Povolzhya: zhivye istoki*. Samara: Kniga, III: 6—23. (In Russ.).
- Zibrova, T. F. 2014. Lingvogeograficheskiye i ekstralingvisticheskiye faktory v formirovaniy pozdnepereselencheskikh govorov. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. 317—325. (In Russ.).
- Zibrova, T. F., Barabina, M. N. 2009. *Atlas govorov Samarskogo kraya*. Samara: Samarskiy universitet. 116. (In Russ.).